

Сунь Цинъюань с самого начала знал, что Линь Шунин отличается от него, ведь у Линь Шунина был только он один друг, поэтому в любой ситуации он всегда советовался с ним заранее. Поскольку Линь Шунин показал блестящие результаты на соревнованиях, многие агентства проявили к нему большой интерес, предлагая сотрудничество. Среди них было и то агентство, которое Сунь Цинъюань давно приметил.

Однако его статус никак не соответствовал стандартам для заключения контракта с этим известным агентством, поэтому Сунь Цинъюань обратил внимание на Линь Шунина. Как раз в то время Линь Шунин нуждался в крупной сумме для лечения, и Сунь Цинъюань воспользовался ситуацией, сделав вид, что он срочно хочет подписать контракт с агентством, чтобы получить крупный аванс и помочь Линь Шунину с лечением.

Линь Шунин не подвел его, будучи глубоко тронутым, он сам представил Сунь Цинъюаня тому самому агентству. Сунь Цинъюань уже думал, что наконец сможет занять место Линь Шунина, но, к его удивлению, агент просто встретился с ним один раз и тут же выставил его за дверь.

Он никогда не забудет тот момент, когда он громко спросил, почему, а тот агент посмотрел на него, словно на кучу мусора, словно видел его насквозь. И те три слова, которые произнес тот человек, открывая тонкие губы:

— Ты не подходишь.

Сунь Цинъюань сбежал из агентства, как будто убегая от чего-то страшного. Как раз в это время другое агентство проявило к нему интерес, предложив очень выгодные условия. Если бы это было в другое время, Сунь Цинъюань бы тщательно обдумал, насколько это агентство сильное, или если бы он был постарше, ничего бы не произошло. Но только что услышавший, что он «не подходит», Сунь Цинъюань был молод и полон амбиций, он никогда не сталкивался с неудачами, и, словно желая доказать всем свою состоятельность, он подписал контракт, о котором позже горько пожалел.

Ожидаемого успеха и славы не случилось. Из певца, которого запомнили зрители на шоу талантов, он превратился в никому не нужного артиста, выходя на улицу, ему даже не нужно было скрываться. Каждый день был наполнен бесконечными алкогольными вечеринками и бессмысленными встречами. И все это он свалил на Линь Шунина, выплескивая на него все негативные эмоции, которые накопились в работе и жизни. Линь Шунин, ничего не подозревая, даже чувствовал себя виноватым, считая, что именно он стал причиной того, что его друг оказался в такой ситуации, поэтому он не сопротивлялся, а молча терпел всё это.

Со временем Сунь Цинъюань становился все более жестоким, и каждый раз, когда он действительно переходил черту, он тут же возвращался к старой теме, повторяя, что если бы не Линь Шунин, он бы не отказался от участия в соревнованиях и не подписал бы этот контракт ради аванса, полностью разрушив свою карьеру.

Каждый раз, когда он говорил это, Линь Шунин, несмотря на внутреннюю боль, сдерживался и продолжал терпеть Сунь Цинъюаня, становясь его личным банкоматом.

Думая об этом, Цзян Ю прищурился, задумчиво размышляя, что это, вероятно, и есть то самое «шантаж благодарностью»? Хотя, если разобраться, благодарности здесь и не было, так что, скорее, это было «шантаж без ничего».

Увидев, что телефон продолжает настойчиво вибрировать, Цзян Ю улыбнулся с глубоким смыслом и ответил.

Через двадцать минут Цзян Ю, одетый в черную рубашку и слегка выцветшие джинсы, в самых обычных белых кроссовках, появился у входа в бар.

Несмотря на простой наряд, благодаря внешности Линь Шунина, он не выглядел дешево, а, наоборот, излучал чистоту и свежесть.

Перед выходом Цзян Ю попросил Систему настроить его состояние на слабость, а рубашку специально выбрал на размер больше, поэтому она висела на нем слегка мешковато, подчеркивая его худобу.

Открыв дверь, он вошел внутрь. Сунь Цинъюань уже ждал его у входа, и, судя по его выражению лица, он был явно не в лучшем настроении. Увидев, как Линь Шунин медленно подходит, он сделал два шага вперед, схватил его за одежду и притянул к себе, с нетерпением протянув руку:

— Дай.

Цзян Ю, слегка пошатнувшись от его рывка, с недоумением спросил:

— Что?

Услышав это, Сунь Цинъюань едва сдержал свои эмоции, в его голосе послышалась скрытая злость:

— Деньги! Ты что, дурака валяешь?

Если бы не то, что здесь шуметь неудобно, он бы уже закричал.

— ...Но у меня больше нет денег.

Цзян Ю опустил голову, его голос звучал глухо.

Сунь Цинъюань был на грани срыва. Он с силой толкнул Линь Шунина за плечо, сдерживая ярость, прошипел:

— Ты что имеешь в виду? Если у тебя нет денег, зачем ты пришел?

— Но... ты же сам позвал меня?

Цзян Ю мастерски притворился непонимающим, и на его лице не было ни тени фальши.

Увидев это, Сунь Цинъюань рассмеялся от злости:

— Ты что, дурака валяешь?

Хотя Цзян Ю не проявлял никаких странностей, Сунь Цинъюань, зная Линь Шунина много лет, сразу понял, что сегодня его отношение изменилось.

Но у него не было времени разбираться, ведь внутри бара ждали две важные персоны. Увидев, что Линь Шунин действительно не собирается давать деньги, Сунь Цинъюань смягчил тон:

— Ниннин, этот шанс действительно важен для меня. Помоги мне, пожалуйста. Если я стану знаменитым, нам больше не придется беспокоиться о твоих лечебных расходах, и тебе не нужно будет мучиться, работая стримером...

Это были слова, которые он повторял бесчисленное количество раз, и каждый раз они действовали. Но на этот раз он не успел закончить, как неожиданно встретился взглядом с ясными глазами.

— Сяюань, до сегодняшнего дня все мои лечебные расходы я оплачивал сам.

Цзян Ю произнес это спокойно.

Обычно красноречивый Сунь Цинъюань, встретившись с таким взглядом, почувствовал, как слова, которые он повторял столько раз, застряли у него в горле, и он не смог их произнести.

Он и Линь Шунин выросли вместе, и такой взгляд он видел на себе много раз, но никогда раньше он не чувствовал себя так, словно его укололи иглой, вызывая дискомфорт во всем теле.

Честно говоря, Линь Шунин всегда относился к нему хорошо, очень хорошо. И он действительно хотел ценить их дружбу, но как бы он ни старался, у него не получалось.

С самого детства Линь Шунин всегда был лучше него — в учебе, в жизни, и даже внешне он был более привлекательным. Линь Шунин был слишком хорош, и он мог только быть тенью, всегда оставаясь позади этого солнца.

Но почему? Они оба были сиротами, росли в одинаковых условиях, так почему Линь Шунин всегда был на голову выше? Зависть, словно густой яд, разъедала его сердце, с каждым годом становясь все сильнее.

«Солнечные голоса» стали последней каплей. В ту ночь, на этапе восьмерки, струна, которая была натянута в голове Сунь Цинъюаня много лет, наконец порвалась.

Если бы он мог оказаться на солнце, кто бы хотел оставаться в тени? Он не сделал ничего плохого. Он хотел славы, хотел стать знаменитым, хотел превзойти Линь Шунина.

Когда Линь Шунин упал в обморок, в сердце Сунь Цинъюаня не было ни капли паники. Он был абсолютно спокоен, зная, что его шанс настал. Если Линь Шунин не сможет продолжать, то пусть все его ресурсы перейдут к нему. Он займет место Линь Шунина и поднимется на вершину шоу-бизнеса.

Он просто не хотел больше жить в тени Линь Шунина. В чем он был виноват? Ни в чем.

Сунь Цинъюань заставил себя взять себя в руки. Он сжал кулаки, затем медленно разжал их, положил руки на плечи Линь Шунина, и в его голосе появились нотки боли и безысходности:

— Ниннин, я обещаю, это в последний раз. Помоги мне, пожалуйста. Умоляю.

Цзян Ю вздохнул, достал из кармана кошелек и протянул его.

Сунь Цинъюань, взяв кошелек, замер, его лицо исказилось от злости. Он, покраснев от гнева, швырнул кошелек на пол, сквозь зубы прошипел:

— Ты издеваешься?